

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ
IX

3

МАЙ—ИЮНЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1960

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ УЧЕНЫЕ *

Круг моих научных работ носит, преимущественно, литературоведческий характер. Поэтому ограничиваюсь здесь информацией лишь о тех филологических трудностях, которые, вероятно, могут представить интерес для читателей лингвистического журнала.

Прежде всего это работа над переводом «Авесты», которым занимаюсь последние восемь лет. Предполагаю начать публикацию переводов с 1961—1962 гг., — вначале «Яшты», затем «Гаты», а потом уже другие части «Авесты». В исследовании «Яштов» считаю плодотворным обращение к архаичским элементам таджикского фольклора, что частично мною осуществлено в монографии «Из истории таджикской народной поэзии» (М., 1956). Наибольшую сложность представляет, конечно, перевод «Гат». Показательно, что за последние несколько лет появились три новых перевода «Гат». Трудности перевода, на мой взгляд, не только и не столько лингвистические, сколько мировоззренческие. Когда в «темных местах» «Гат» видят выражение абстрактно-мистических понятий, то, по моему, добраться до истины невозможно: главы же об анимизме у доброго старого Тейлора помогают больше пных хитроумных гипотез. В настоящее время, однако, предпочитаю ограничиться лишь этим кратким замечанием и сосредоточить усилия на завершении перевода с аргументированным его обоснованием.

Заканчивая в этом году текстологические замечания к редактируемому мною тексту и русскому переводу стихов Рудакки, а также редактирование критического текста «Дивана» замечательного таджикского лирика XIV в. Камола Худжанди (критический текст составлен по шести старейшим рукописям; это тем более важно, что текст его «Дивана» полностью у нас еще ни разу не издавался). Продолжаю и всю семилетку буду осуществлять (в составе редколлегии из трех человек) редактирование том за томом критического текста

* В этом номере редакция продолжает публиковать сообщения ученых-лингвистов об их научной работе и планах на ближайшее будущее. Редакция обратилась также к зарубежным лингвистам с просьбой рассказать читателям журнала «Вопросы языкознания» об их научной работе.

«Шахнамэ» — работу, начатую и завещанную Е. Э. Бертельсом и эффективно исполняемую коллективом молодых прагматов.

И. С. Брагинский
(Москва)

Только что закончил II том своей книги «Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология», всецело посвященный проблематике глагола. В III томе будет исследована морфологическая проблематика местоимений и числительных, а также так называемых служебных частей речи. Особое внимание будет обращено на общелингвистическую проблематику местоимений.

В области славянской морфологии я работаю в настоящее время над вопросом грамматических времен. Представляется, что структурный подход к видо-временным формам славянского глагола и их значениям открывает некоторые новые перспективы, позволяющие во многом преодолеть традиционно «логическое» изложение таких грамматических понятий, как «настоящее» или «будущее» время.

Ближайшей своей задачей в области сравнительного и сопоставительного изучения славянских языков считаю создание университетского курса по русской лексикологии в сопоставлении с лексикологией чешской и словацкой. В основном содержание этого курса составит синхронный анализ лексики указанных языков с особым учетом живых приемов дополнения и расширения словарного состава последующих литературных и разговорных языков в сопоставительном плане.

Назревает вопрос создания пособия по истории русского языка для чехословацких университетов. До сих пор историко-лингвистические дисциплины развиты по разным курсам: историческая грамматика (в основном, фонетика и морфология), историческая лексикология (обычно включаемая в курс лексикологии современного языка) и так называемая «история литературного языка» (с весьма расплывчатым предметом исследования). В условиях изучения русского языка за пределами СССР историко-лингвистические дисциплины должны быть, по нашему мнению, сосредоточены в одном лекционном цикле. Нель-

зя изучать, скажем, историческую фонетику в отрыве от развития книжного языка древнейшего периода письменности на Руси, т. е. в отрыве от развития древнерусского письменного языка как такового. Поэтому в условиях постановки изучения русского языка в чехословацких университетах нам кажется вполне обоснованным создание общего курса «Истории русского языка», к которому я и намереваюсь приступить в ближайшее время.

Опыт, накопившийся в Чехословакии в процессе создания самых разнообразных типов славянских двуязычных словарей, не был до сих пор надлежащим образом использован и обобщен. Вместе с профессором Л. В. Копецким я предполагаю написать небольшую работу, посвященную «Вопросам славянской двуязычной лексикографии».

А. В. Исаченко
(Оломоуц)

Некоторые наблюдения, сделанные мною в процессе работы над книгой «L'arophonie en indo-européen», побудили меня заняться исследованием параллельных явлений в семитических языках. Одновременно имеется в виду цель — применить и испытать так называемый метод внутренней реконструкции в области неиндоевропейской семьи языков.

По моему мнению, как характер семантических изменений и передвижений, которым подвергаются грамматические категории флексии и словопроизводства, так и явления дифференциации и так называемой поляризации принципиально повсюду одинаковы, но доступны исследованию только в результате самого тщательного анализа грамматической формы. Единство это замаскировано именно разностью грамматических приемов.

Одним из этих приемов, важным для индоевропейских языков и самым важным для семитических, является чередование гласных. Термин «чередование» двусмыслен. Если чередование обусловлено фонетически (фонологически), употребляется выражение альтернативация. Например, аканье в русском литературном языке является альтернативой *o : a*, обусловленной ударением. Если же имеют место условия морфологические, мы говорим об апофонии. Ср. русск. *вывести : вывод, привезти : привоз, донести : донос* и т. д. Чередование *e : o* обусловлено здесь определенной категорией производных слов, отглагольных основ на *-o-* (конечно, от корневой с гласной *e*).

Альтернативация может перейти в апофонию. Так, например, чередование *e : ë* являлось сначала в русском языке альтернативной: *e > ë* под ударением и одновременно перед твердым согласным. Но переход *ë > e* отменял первое условие. Между *села* и [она] *села* нет разницы фонетических условий. Таким образом, противоположность *село : мн. число сѣла* должна считаться апофонией, которая влечет за со-

бой случай *всегда : звѣзды* (где *e < ë*) и прочие случаи, в которых переход *e > ë* является добавочным признаком образования множественного числа, помимо разницы ударения. Но альтернативация может сохраниться рядом с создающейся апофонией. Такие примеры, как *платить*: [он] *платит (платит)* или (в просторечии) *пальто : пальта, посадить : посбдит*, возможно, являются предвестником будущей апофонии.

Таким образом, при исследовании апофонии в семитических языках следует строго различать явления, при которых фонетические условия еще налицо, и явления, при которых фонетические условия совершенно исчезли. Можно сказать, что здесь мы находимся в лучшем положении, чем исследуя сравнительную грамматику индоевропейских языков. Из четырех видов семитической апофонии, различаемых автором, а именно: 1) краткий гласный : нуль; 2) *u : i*; 3) *u, i : a*; 4) краткий гласный: долгий гласный — фонетические условия переходов 2-го и 4-го случаев в классическом арабском языке еще очевидны, в 3-м случае их нетрудно восстановить, и только для 1-го случая они гипотетичны. Функцию апофонии эти чередования приобрели в морфологических оппозициях (противоположениях).

Самой важной задачей является восстановление правильных противоположений *A : B*, в которых форма *B* (производная или флексийная) детерминируется в данный момент формой *A* (в качестве ожидаемой формы). Нельзя, однако, сопоставлять две любые родственные формы.

Общей чертой обеих языковых семей является большая роль, какую играет *г л а г о л* в создании и в распространении апофонических явлений. Таким образом, приходится исследовать глагольную систему — как восточную, так и западносемитическую (между которыми, как известно, существуют серьезные различия) с тем, чтобы, основываясь на их изучении, проникнуть в общесемитическую глагольную систему. Эта система состоит из нескольких парадигм, различающихся между собой вокалитической степенью; отглагольные же имена, в зависимости от категории, принимают ту или другую из этих степеней, встречаемых в спряжении.

Лишь вторично, посредством *г л а г о л ь н ы х* форм, качественная апофония (*u : i*; *u, i : a*) входит в отыменное словопроизводство, а в южносемитических языках даже в склонение (в виде так называемого внутреннего множественного числа, как, например, арабское *kitāb : kitub*).

Количественная апофония, например *qatil : qatīl*, характерна первично для отыменного словопроизводства. Удлинение гласной второго слога служило для образования абстрактных существительных от прилагательных. Здесь, наоборот, прием этот вторично использован и в отглагольном словопроизводстве.

После реконструкции старших стадий главной задачей является объяснение из-

меняющихся функций разных видов апофонии преимущественно, хотя и не исключительно, в связи с эволюцией глагольной системы, которая подвергается сильным изменениям не только в аккадском, но и в более консервативной западной ветви семитических языков. Внутри этой последней изменения в спряжении продолжают, приводя к замечательным различиям в функциях апофонических приемов между арабским и еврейским и т. д.

Е. Р. Курилович
(Краков)

В настоящее время я работаю над темой «Взаимодействие языков и теория субстрата». В ближайшем будущем намереваюсь заняться изучением микенских надписей. Приступил к изучению истории урартоведения, результаты исследования думаю обобщить в статье, подобной моей «Очеркам по изучению хеттского палеогреческого языка» («Иберийско-кавказское языкознание», т. IX—X, Тбилиси, 1958). Готовлю также обстоятельные рецензии на книги «Исследования по сравнительно-историческому языкознанию» В. Георгиева и «Язык и культура Микенской Греции» С. Я. Лурье.

М. Я. Немировский
(Ростов-на-Дону)

Моя работа по сербскохорватской лингвистике в настоящее время, как и до сих пор, обусловлена уровнем развития югославской славистики, в первую очередь сербскохорватской. Одна из основных характерных черт югославской лингвистики — это использование устаревших методов, применявшихся в зарубежной лингвистике примерно в начале XX в. В силу этого главной задачей югославской лингвистики в настоящий момент является, по моему мнению, коренная реорганизация методологического характера, модернизация югославской лингвистики и достижение интернационального уровня. В соответствии с этим я считаю своим основным долгом бороться, насколько возможно, не только теоретически, но и практически за эту реорганизацию. Все мои труды, над которыми я сейчас работаю или которые находятся в фазе планирования, подчинены этой цели. Перехожу к конкретной стороне вопроса.

Одна из важнейших характерных черт современного языкознания — это, несомненно, учет достижений лингвистической географии. Однако в югославской славистике метод лингвистической географии не представлен. Стремясь восполнить этот пробел, я уже опубликовал некоторые работы по сербскохорватской лингвистической географии¹, а в близком будущем

планирую также целый ряд исследований, посвященных лингвистико-географическому изучению элементов сербскохорватского и других южнославянских языков, прежде всего лексических (в немецком издании моей «Истории сербскохорватского языка», которая выйдет в свет в ближайшее время, большое внимание уделяется именно этому вопросу). Речь идет об изоглоссах, особенно изоглоссах, связывающих так или иначе территории распространения сербскохорватского и прочих южнославянских языков с остальными славянскими областями. Хотя я непосредственно и не участвую в составлении славянского лингвистического атласа, тем не менее я стремлюсь своими индивидуальными трудами всемерно содействовать включению сербскохорватской славистики в работу над атласом². В тесной связи с вышесказанным стоит необходимость коренным образом реформировать сербскохорватскую диалектологию в направлении применения лингвистико-географического метода к исследованиям сербскохорватских диалектов. До нашего времени сербскохорватские диалекты исследуются почти исключительно путем монографического фиксирования отдельных диалектов и говоров, причем, конечно, полученная картина является в очень большой степени субъективной. Поэтому я попытался — хотя в небольшом объеме — картографировать изоглоссы и показать связь развития сербскохорватских диалектов с историей их носителей³. В настоящее время я подготовил к печати обширную монографию, которая, как я ожидаю, покажет значение южнославянских изоглосс для изучения славянской лингвистической географии в целом, а также преимущество этого современного лингвистического метода в области исследований сербскохорватского и прочих южнославянских языков.

Еще один недостаток сербскохорватской славистики — это отсутствие систематической работы по лексике (за исключением лексикографии как таковой); до сих пор югославские лингвисты исследовали почти исключительно заимствованные слова, но не исконно славянские лексические элементы (только в работах Тентора, Братнича и автора этих строк обращается внимание и на славянский фонд лексики). В связи с этим я намереваюсь посвятить несколько обширных монографических трудов отдельным лексическим категориям, имеющим значение и для истории сербов и хорватов (так, например, всегда подчеркивался слой чужих элементов в сербскохорватской скотоводческой терминологии, однако слой славянских элементов сохранился здесь все-таки очень хорошо, и в частности этот факт заслуживает быть выявленным надлежащим образом).

С отсутствием вообще в сербскохорватском языкознании интереса к лексике непосредственно связан и тот факт, что в настоящее время ни в одном из югославских филологических институтов не ведутся

¹ Ср. сб. «Славянское языкознание», М., 1959, стр. 35—47; ВСЯ, вып. 4, М., 1959, стр. 32; «Annali [Istituto Universitario orientale], Sezione linguistica, 1/2, Napoli, 1959, стр. 177—190.

² См. «Сборник ответов на вопросы по языкознанию», М., 1958, стр. 253—254.

³ ZfSlPh, Bd. XXVII, Hf. 1, 1958, стр. 147.

этимологические исследования (насколько я мог узнать, публикацию рукописи покойного П. Скока не ожидается в скором будущем). В этом плане я поставил перед собой задачу предпринять обширные этимологические исследования славянского фонда сербскохорватского языка⁴, а также сделать и некоторые обобщения с тем, чтобы способствовать ускорению составления сербскохорватского этимологического словаря.

Наконец, очень важной тематикой является и топонимика. За исключением большой гидронимической работы Э. Дикенмана и некоторых работ П. Скока и Б. Финки, до сих пор в сербскохорватской топонимике исследовалась главным образом ее дославянская часть. Теперь надлежит предпринять систематическое изучение топонимики славянского происхождения; у словенцев уже работают над этой проблематикой; с другой стороны, существуют очень интересные исследования болгарских ученых, где частично затрагивается также сербская и хорватская топонимика (И. Дуриданов); по моему мнению, нужно начать систематическое исследование в этом направлении областей распространения сербскохорватского языка. Я начинаю эту работу в Северной Сербии и посвящаю первую подробную монографию изучению местных названий окрестностей Белграда.

Конечно, есть и другие важнейшие задачи сербскохорватской славистики. Но я лично займусь в близком будущем работой по этимологии, лексике, лингвистической географии и топонимии, с убеждением, что эти мои труды будут способствовать в какой-то мере реорганизации сербскохорватской лингвистики, о чем говорилась выше, и побудят молодые кадры к более современной трактовке сербскохорватского языка.

И. Попович
(Белград)

Являясь заведующим секцией фонетики и диалектологии Бухарестского Института языкознания Академии наук РНР остановлюсь прежде всего на коллективных работах секции, которые ведутся в двух направлениях.

I. Фонетика и фонология: 1) экспериментальным путем исследуется фонетическая система румынского языка; 2) изучается система фонем румынского языка; некоторые из достигнутых результатов опубликованы в сб. «Recherches sur les diphtongues roumaines» (Bucarest — Copenhagen, 1959).

II. Диалектология: 1) сбор материалов для составления фонограммного архива румынского языка по анкетам начался в 1958 г. и будет проводиться ежегодно; решено охватить 1000 населенных пунктов; 2) разрабатываются анкеты по сбору материалов для нового румынского лингвистического атласа (подготовка осуществляется в сотрудничестве с Клужским

институтом языкознания); 3) в текущем году будет проведено анкетирование трех населенных пунктов на Черноморском побережье для средиземноморского лингвистического атласа; 4) в связи с разработкой балканского лингвистического атласа в июне текущего года в Бухаресте состоится совещание ученых балканских государств; 5) подготавливается монография с лингвистическим описанием населенного пункта Валя Жиу; 6) подготавливается монография, посвященная лингвистическому описанию территории по р. Биказ, где строится гидростанция им. Ленина; 7) проводятся исследования по тюркской диалектологии (как известно, на территории Румынской Народной Республики проживают турки, татары, погайцы, караимы).

В подкомиссии по математической лингвистике, зам. председателя которой я являюсь и которая входит в состав комиссии автоматизации при Академии наук Румынской Народной Республики, работают несколько научных сотрудников секции фонетики и диалектологии Бухарестского института языкознания. С 1959 г. здесь проводятся статистические исследования в области румынского языка и подготавливается материал для машинного перевода.

И н д и в и д у а л ь н а я р а б о т а. Занимаюсь исследованиями по общей лингвистике и фонологии; недавно окончены работы: «К вопросу о теории слога» (Гаага, 1959); «Введение в фонетику» (2-е издание на португальском языке подготавливается в Лиссабоне). В сборнике, посвященном В. Дорошевскому (Варшава, 1960), публикуется статья о глоссематике Л. Ельмслева. Работа о системе гласных румынского языка будет издана в «Annali [Ist. Universitario orientale]» (Napoli, 1960); исследование о полугласных — в «Phonetica» (1960). Продолжаю экспериментальные исследования звуков румынского языка. Статья, связанная с проблемой среднего рода в румынском языке, опубликована в «Studia linguistica» (vol. XIII, № 2, 1959).

В результате моей работы в области истории румынского языка вскоре появится 3-е переработанное издание первого тома «Истории румынского языка» — «Латинский язык». Второй том — «Балканские языки» — будет готов для печати в июне 1960 г. Недавно в сотрудничестве Б. Казаку и Л. Ону я сдал в печать обширную «Историю румынского литературного языка» — т. I, содержащий сведения об этом языке от его происхождения до XIX в. В качестве главного редактора работаю над большой «Историей румынского языка» (в 5 томах), которая составляется при Академии наук Румынской Народной Республики коллективами научных сотрудников институтов языкознания Бухареста, Клужа и Ясс. В области славистики в плане славяно-румынских отношений работаю над вопросами фонетики и лексики (в журн. «Linguistique balkanique» находится в печати мое исследование по лексике).

A. Росетти
(Бухарест)

⁴ Ср. «Annali [Istituto Universitario orientale]», Scheda bibliografica, I/2, 1959.

В настоящее время я занимаюсь вопросами культуры Великой Моравской державы, историей словацкого языка, темой языковых связей словаков с другими славянами, особенно с чехами и восточными славянами, и, наконец, проблемами культуры словацкого языка, специфически в классическом пении (в сотрудничестве с Делфиной Станислав, бывшей солисткой Братиславской оперы).

В последние годы вышла моя «История словацкого языка». До настоящего времени были изданы три тома (I — 1956, 2-е изд. — 1958, II — 1958, III — 1957). Первый том содержит введение и историческую фонетику; второй том посвящен исторической морфологии. Сейчас я работаю над четвертым томом, который будет содержать исторический синтаксис и который, вероятно, будет готов еще до очередного съезда славистов в Софии. Кроме того, веду подготовительные работы к составлению словацкого исторического словаря, который будет включен в план моей работы на ближайшие годы.

В 1957 г. вышла в свет моя книга «О русско-словацких культурных связях во времена Яна Голложа и Людовита Штура»; в сборнике «Пражский университет Московскому университету 1755—1955» (Прага, 1955) опубликовано мое исследование «К вопросу о взаимоотношениях между Московским университетом и словаками: М. П. Погодин и О. М. Бодянский и словаки». В настоящее время я продолжаю изучать русско-словацкие взаимоотношения. В частности, была исследована работа Тимофея Флоринского в области изучения словацкого языка по его произведению «Лекции по славянскому языкознанию». II (Петербург—Киев, 1897). Являясь обзором познаний по словацкому языку в конце XIX в., соответствующая глава в «Лекциях» Флоринского была в то время единственной научной грамматикой словацкого языка, предназначенной для славистов. Результаты этого исследования еще не опубликованы.

Продолжением работы о взаимоотношениях словаков и восточных славян в эпоху средневековья явилось мое обширное исследование, которое еще также не опубликовано. Собрав несколько малоизвестных или совершенно неизвестных документов по этому вопросу и составив обзор этих взаимоотношений начиная с древних веков, я перехожу затем к исследованию восточнославянских (украинских) элементов в словацких литературных текстах, а также к изучению словацких элементов, особенно в молдавских текстах XIV—XV вв. Результаты исследования реферированы в краткой статье «Наши взаимоотношения тысячелетней давности», напечатанной в журнале «Predvoj» (1959, № 47), и о них

должно в лекции, прочитанной на языковедческой секции Словацкой Академии наук во время месячника чехословацко-советской дружбы в ноябре 1959 г. Мое исследование из того же цикла о взаимоотношениях чехов и словаков в средние века «К вопросу о словацких в старочешских памятниках» опубликовано в «Zeitschrift für Slawistik» (Bd. I. Hf. 4, 1956, Bd. II, Hf. 1, 1957). Этой проблематикой я буду заниматься и в дальнейшем, в частности имею намерение внести свой вклад и в исследовании польско-словацких отношений в прошлом (здесь примечателен тот факт, что в словацком городе Ружомберок в середине XVI в. жил польский писец, хорошо писавший по-словацки и редко употреблявший полонизмы). По вопросу о взаимоотношениях между словаками и южными славянами я поместил небольшую статью в сборнике, посвященном 70-летию со дня рождения Ф. Вольдмана (1959 г.)⁵.

По вопросам взаимоотношения речи, музыки и пения совместно с Делфиной Станислав я написал несколько исследований и статей, где речь идет главным образом об использовании результатов экспериментальной фонетики в теории классического пения. При разработке этих вопросов учитывались исследования советских и немецких специалистов; надо сказать, что словацкая теория пения до настоящего времени еще не создана. В содружестве с Делфиной Станислав написана также книга «Речь и пение» (еще не издана), где авторы основываются главным образом на выводах советской литературы.

Мною проведены исследования обзоров характера о значении чешской лингвистики для словацкого языкознания и о словацкой славистике за период 1945—1959 гг. Первое исследование будет опубликовано в сборнике философского факультета Университета им. Коменского, а второе — в журнале Словацкой академии наук «Jazykovedný časopis». Ранее в «Jazykovedný časopis» был помещен мой обзор исследований о славянской топонимике в неславянских землях. По этому вопросу я намереваюсь писать еще в следующем номере «Jazykovedný časopis». В журнале «Вопросы языкознания» публикуется моя статья «Из истории словацкого языка». Наконец, мною написана «Грамматика словацкого языка», которую редактирует проф. Г. Г. Вильфельдт и которая будет опубликована в «Slawistische Bibliothek» (Halle).

Ян Станислав
(Братислава)

⁵ J. Stanislav, Zo slovensko-južnoslovenských súvislostí. «Franku Wollmanovi k sedmdesátinám. Sborník prací», Praha, 1958.